

Л. К. Хитрово

**Л. Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ
ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО АРХИВА
В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА**

Аннотация: В статье содержатся новые и дополнительные сведения о Л. Б. Модзалевском, известном пушкинисте, ломоносоведе, специалисте по истории науки и литературы XVIII–XIX вв., сотруднике двух академических учреждений: Архива АН и Пушкинского Дома. В связи с деятельностью ученого в Музейной и Архивной Комиссии впервые публикуются подлинные документы военных лет об эвакуации академических ценностей из Ленинграда, Москвы и хранении их в Свердловске, Новороссийске, Томске и Казани.

Ключевые слова: Л. Б. Модзалевский, Архив Академии наук, Пушкинский Дом, биография, научная деятельность, эвакуация академических ценностей, Музей.

Abstract: The article provides new additional information on L. B. Modzalevsky, the famous Pushkin and Lomonosov scholar, specialist in the history of science as well as of the 18th–19th century literature, and research associate of two academic institutions: the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Pushkin House (Pushkinsky Dom). Published here for the first time are original World War II documents related to the scientist's work in the Museum and Archival Committee concerning the evacuation of academic treasures from Leningrad and Moscow and their conservation in Sverdlovsk, Novorossijsk, Tomsk and Kazan'.

Keywords: L. B. Modzalevsky, the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Pushkin House (Pushkinsky Dom), biography, scientific work, evacuation of academic treasures, Museum.

В разные годы вышли в свет работы, относящиеся к биографии Л. Б. Модзалевского.¹ В настоящее время появилась возможность со-

¹ Редакция. Памяти Л. Б. Модзалевского (1902–1948) // Бюллетени Рукописного отдела. М.; Л., 1950. Вып. 2. С. 81–82; Баскаков В. Н. Пушкинский Дом, 1905–1930–1980 (Исторический очерк). Л., 1980 (по указателю); Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006 (по указателю); Князев Г. А. Дни великих испытаний: Дневники, 1941–1945. СПб., 2009 (по указателю); Модзалевская Т. Л. Лев Борисович Модзалевский (1902–1948): Страницы жизни. СПб., 2009; Тункина И. В. К изданию монографии Л. Б. Модзалевского о М. В. Ломоносове // Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середи-

держась в них сведения уточнить и дополнить по документам из его личного архива (ф. 187), который находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.² В архивных материалах отразились ключевые события личной и научной биографии ученого.

Лев Борисович Модзалевский — известный литературовед, историк-архивист, палеограф, текстолог, генеалог, библиограф, специалист по истории русской науки и культуры XVIII—XIX вв. — родился 27 июля (9 авг. по новому стилю) 1902 г. в Петербурге в семье потомственного дворянина, титулярного советника Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928). Был крещен 14 авг. 1902 г. во Входаиерусалимской Знаменской церкви в Петербурге (на пересечении Невского пр. и Знаменской ул.; с 1923 г. — ул. Восстания). Восприемниками его были брат и сестры Бориса Львовича: мичман 14-го Флотского экипажа Вс. Л. Модзалевский, Н. Л. Модзалевская и Т. Л. Микешина (урожд. Модзалевская).³

Отец Льва, юрист по образованию и историк литературы по призванию, служил в то время младшим письмоводителем Канцелярии конференции Императорской академии наук. Позднее он стал одним из основателей Пушкинского Дома и членом-корреспондентом Академии наук (с 1918 г.).

Б. Л. Модзалевский состоял в браке с 31 мая 1900 г. с дочерью крестьянина Бежецкого уезда Тверской губернии Екатериной Васильевной Решеткиной, которая родилась в 1873 г. (погибла при артобстреле немецкими войсками в середине сентября 1941 г. в городе Слуцке; в наст. время — г. Павловск).

В семье помимо Льва было еще трое детей: дочь Александра (1899—1971), дочь Елена (1901—1906; умерла от тифа) и сын Вадим (Дима; 1907—1941).

31 апр. 1919 г. Борис Львович официально развелся с Е. В. Решеткиной и 12 июня того же года женился на Варваре Николаевне Гувениус (1871—1937; в 1-м браке Висковатовой). Но уже после помолвки, состоявшейся 4 апр. 1910 г., вторая жена Модзалевского стала заниматься воспитанием и образованием его детей от первого брака. Имея диплом домашней учительницы, она обучала их музыке, рисованию, французскому языку. К счастью для Бориса Львовича, с того времени между Варварой Николаевной и Львом сложились не формальные, а по-настоящему родственные отношения. Для него она до конца своей жизни была другом и любящей матерью, а он заботливым сыном.

ны XVIII в. / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2011 (Серия «Ad Fontes: Материалы и исследования по истории науки». Вып. 1). С. 4—12.

² В 1932—1934 гг. Пушкинский Дом имел официальное название — Институт русской литературы АН СССР; в 1935—1949 гг. — Институт литературы АН СССР; с 1949 г. — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

³ Копию выписи из метрической книги, выданную 27 сент. 1913 г., см.: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 1, л. 1—2.

Получив хорошее домашнее образование, Лев с приготовительного по 5-й класс (1910—1917) учился в знаменитой Петербургской мужской классической гимназии К. И. Мая. В 5-м классе его друзьями-одноклассниками были Борис Владимирович Пестинский (будущий художник), Николай Александрович Бенуа (впоследствии театральный художник) и Юрий Николаевич Рерих (будущий востоковед). Вместе они в 1916—1917 гг. издавали гимназические рукописные иллюстративные журналы: «Orator» и «Свободный orator».⁴

К началу нового 1917—1918 учебного года Лев по настоянию отца выехал в Саратовскую губернию, где учился в 6-м классе Хвалынской мужской гимназии. Его соучеником был Михаил Маштаков, сын П. Л. Маштакова (1872—1942), уроженца Хвалынского уезда Саратовской губернии, близкого знакомого Б. Л. Модзалевского, который в 1910-х гг. в Петербурге служил научным корректором в издательстве Академии наук. Младший сын Петра Лазаревича, Олег, приходился крестником Борису Львовичу.⁵

В 1919 г. 17-летний Лев Борисович возвратился в Петроград, завершил среднее образование в Единой трудовой школе II ступени (бывшие гимназия и реальное училище К. И. Мая) и поступил в Петроградский университет на историко-филологический факультет. Возможно, его, как выпускника из школы II ступени, по правилам того времени приняли без вступительных экзаменов (достоверных сведений к настоящему времени не обнаружено). Проучился он недолго, с первого курса был отчислен, — вероятно, из-за не сданных в сессию экзаменов.

В 1922 г. Лев Борисович восстановился на факультете общественных наук по славяно-русской секции Отделения языковедения и литературы.⁶ В студенческие годы проявился интерес Модзалевского к источниковедению.

Своими учителями прежде всего он считал отца, от которого «воспринял любовь к научной работе и к документальным изысканиям», С. А. Венгерова, чьи лекции ему довелось слышать на филологическом факультете в последний год жизни известного библиографа, а также Б. М. Эйхенбаума и Ю. Г. Оксмана. После 1922 г. Модзалевский стал участником их исследовательских семинаров.⁷

Готовясь к семинару Эйхенбаума «История русской литературы (гр. А. К. Толстой)», он под наблюдением отца работал с архивными

⁴ Сохранившиеся номера журналов см.: Там же, № 24, 25.

⁵ Подлинную атрибутированную фотографию Л. Б. Модзалевского в группе учеников Хвалынской мужской гимназии см.: Там же, № 67; а также: *Б. Л. Модзалевский. Из записных книжек 1920—1928 гг.* / публ. Т. И. Краснобородько, Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории: 1905—2005. СПб., 2005. С. 17 (запись под датой: 21 авг. 1920 г.).

⁶ Копию свидетельства об окончании Ленинградского ун-та: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 28, л. 1, 2.

⁷ Автобиография Л. Б. Модзалевского: Там же, № 17, л. 6.

документами, находившимися в Пушкинском Доме. На занятии, которое состоялось 20 янв. 1923 г., сделал сообщение «Граф А. К. Толстой (из собраний Пушкинского Дома)», 7 марта 1925 г. прочитал реферат, посвященный дяде писателя: «А. А. Перовский (Погорельский). Биографический очерк».⁸

Тогда же, создавая источниковедческую базу для дальнейших самостоятельных работ, Лев Борисович фронтально просмотрел архивные фонды Пушкинского Дома, выявил и скопировал тексты творческих материалов писателя, автографы его писем, адресованные разным лицам. Подборки собранных документов под названиями: «Автографы гр. А. К. Толстого, находящиеся в Пушкинском Доме при Российской Академии наук, <выявленные> к 21 марта 1923 г.», «Полное собрание писем гр. А. К. Толстого. 1836—1875. Тексты» сохранились в его личном архиве.⁹ С привлечением этих материалов в 1924 г. вышла в свет первая публикация Льва Борисовича «Кузьма Прутков (А. К. Толстой). Стихи и пародии» и несколько последующих.¹⁰

Другая студенческая работа была опубликована им по окончании университета, но связана с занятиями в Пушкинском семинаре Ю. Г. Оксмана. В 1924—1925 учебном году Модзалевский как участник семинара Юлиана Григоровича, по согласованию с Пушкинским комитетом, занимался работой по проекту Государственного института истории искусств. По нему предполагалось подготовить шесть выпусков с краткими описаниями рукописей поэта под редакцией Н. В. Измайлова и Ю. Г. Оксмана в серийном издании «Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР». Лев Борисович подготовил первый и единственный выпуск в этой серии: «Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде», вышедший в 1929 г. в издательстве «Academia».

Ценность проделанной Модзалевским работы раскрывалась в аннотации, помещенной в «Каталоге книг» академических изданий. В ней отмечалось: «Издание, началом которого является настоящий выпуск, дает краткий регистрационный перечень всех рукописей Пушкина, который должен быть указателем текстов, особенностей их положения и состава, сводкою всех частных описаний, разбросанных в отдельных изданиях, систематизированной и подчиненной единой схеме. Это единственное в своем роде и образцово составленное издание — ценнейший и незаменимый вклад в нашу пушкиниану, оно заинтересует

⁸ РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 29, л. 1—9; № 32, л. 1—38.

⁹ Там же, оп. 1, № 7—12.

¹⁰ *Модзалевский Л. Б.* Кузьма Прутков (А. К. Толстой). Стихи и пародии // Русский современник. 1924. № 1. С. 212—226; *Модзалевский Л. Б.* Афоризмы Козьмы Пруткова, не вошедшие в Полное собрание его сочинений: К 50-летию со дня смерти // Огонек. 1925. № 44 (135). С. 14—15; *Модзалевский Л. Б.* Козьма Прутков и А. К. Толстой // Красная новь. 1926. № 4. С. 107—111, и др.

многочисленных исследователей творчества Пушкина и техники его мастерства».¹¹

Но в начале работы над этим проектом сложились обстоятельства, из-за которых Лев Борисович тяжело переживал за физическое и моральное здоровье отца, а также за собственное профессиональное будущее. В 1924 г. Б. Л. Модзалевского, исполнявшего в то время обязанности директора Пушкинского Дома (вместо выехавшего в Болгарию Н. А. Котляревского), обвинили по сфабрикованному доносу «в корысти», в «преступных махинациях с государственными средствами и государственным имуществом». 12 янв. 1924 г. он был арестован и находился в общей с уголовниками камере при Управлении ленинградской милиции (на пл. Урицкого — так в то время называлась Дворцовая пл.). По ходатайству Академии наук 16 янв. его отпустили. Расследование же «преступного» дела длилось до первых чисел января будущего 1925 года.¹²

Отец Льва Борисовича еще не был оправдан, когда с 16 мая 1924 г. в Ленинградском университете по постановлению СНК РСФСР о переустройстве высшей советской школы началась перерегистрация студентов с радикальной «чисткой» по социальному признаку. Как сын дворянина, к тому же находившегося под следствием, Лев Борисович попадал в списки на «вычищение» вместе со своим двоюродным братом О. Г. Бартевым, у которого до Октябрьского переворота отец служил офицером в царской армии. По постановлению перерегистрационной комиссии Олега Бартева из университета исключили, навсегда лишив права на получение высшего образования. Модзалевского, к его удивлению, оставили. Об этом событии Модзалевский и Бартев извещали в письме от 1 июня 1924 г. свою двоюродную сестру Н. Л. Брюн (в замуж. Дмитриеву), договариваясь с ней о личной встрече в Вырице.¹³ Это единственный сохранившийся в архиве документ, по которому стало возможным восстановить, с какими «обстоятельствами переживаемого времени» столкнулся Лев Борисович, когда его успешно начавшаяся исследовательская работа могла тут же прерваться.

22 июля 1925 г. Модзалевский получил свидетельство об окончании университета. 1 янв. 1926 г. стал сверхштатным аспирантом 4-й секции Новой и новейшей литературы Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском государственном университете. Под руководством научного руководителя Ю. Г. Оксмана он собирал подготовительный материал для кандидатской диссертации: «Творчество

¹¹ Каталог книг: Academia. М.: Academia, 1930. С. 5.

¹² Об аресте Б. Л. Модзалевского см. подробнее в публикации: *Зародова Л. Д.* Переписка Б. Л. Модзалевского с А. Ф. Кони // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 373—375.

¹³ См.: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 3, № 3, л. 3—4.

А. А. Перовского (Антония Погорельского). Эпизод из истории русского романтизма 30-х годов XIX в.»; участвовал в работах секционных групп ИЛЯЗВ, составлял указатель к литературным альманахам 1820—1837 гг.¹⁴

12 мая 1926 г. Ю. Г. Оксман представил Президиуму 4-й секции ИЛЯЗВ отчет о работе своего аспиранта. В нем отмечалось, что «несмотря на сравнительно короткий срок пребывания Л. Б. Модзалевского в институте, он успел зарекомендовать себя как сведущий, трудолюбивый и способный научный работник, активный участник секционных групп Русской художественной прозы и Пушкинской. Что же касается самостоятельных опытов и разысканий Л. Б. Модзалевского в области русской литературы XIX века, то все они представляют несомненный научный интерес. Кроме того, Л. Б. Модзалевский закончил подготовку к печати и комментирование неизданных писем А. К. Толстого (всего около 120 №№ — <по архивам> Пушкинского Дома, Публичной библиотеки, Центрархива и Румянцевского музея), приступил к работе: «Труды Г. В. Плеханова в области истории русской общственности и литературы XVIII и XIX вв.» и продолжает работу по составлению хронологической канвы для биографии А. К. Толстого».¹⁵

Но отзыв Ю. Г. Оксмана не был принят во внимание. 22 февр. 1927 г. Модзалевский получил уведомление за подписью директора ИЛЯЗВ при ЛГУ Н. С. Державина, в котором сообщалось, что, по согласованию с Комиссией по подготовке научных работников (протокол № 70), он с 19 янв. отчислен из аспирантуры из-за несданного экзамена по марксистской методологии.¹⁶ По этой причине целый ряд научных замыслов и разысканий Модзалевского 1920-х гг., относящихся прежде всего к жизни и творчеству А. К. Толстого и А. А. Перовского, остались незавершенными.

Служебная деятельность Льва Борисовича началась рано, с 17-летнего возраста, и проходила непрерывно в системе Академии наук.

В 1919—1925 гг. он занимал должности временного научного сотрудника 3-го разряда в Книгохранилище Российской академии наук (с 1 июля 1919 г. по 1 авг. 1921 г.); временного научного сотрудника Пушкинского Дома с откомандированием в Мологский уезд Ярославской губернии для обследования документов архива и библиотеки в бывшем имении А. Б. и М. А. Куракиных (с 9 по 12 авг. 1920 г.); агента для поручений I-го разряда по Канцелярии правления АН с возложенными обязанностями агента по местному АН (с 1 марта по 15 дек. 1921 г.), помощника зав. хозяйственной частью АН (с 1 марта по 1 июня

¹⁴ Документы Л. Б. Модзалевского по обучению в ИЛЯЗВ при ЛГУ: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 33, л. 2.

¹⁵ Там же, л. 6.

¹⁶ Там же, л. 8.

1922 г.), зав. делопроизводством и секретарем Строительной комиссии (с 11 ноября 1921 г.).¹⁷

С 5 дек. 1925 г. Лев Борисович стал сотрудником Архива АН, где сначала был научно-техническим сотрудником, затем помощником архивиста (в 1929–1930 гг.), ученым архивистом (в 1930–1932 гг.), старшим ученым архивистом (1932–1934 гг.), старшим научным сотрудником (с 1935 г.).¹⁸

Основной темой его научных занятий стало изучение истории русской науки. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Лев Борисович, разбирая архивные фонды К. Ф. Вольфа, М. А. Кастрена, Г. И. Лангсдорфа, И. И. Редовского, Б. С. Якоби и других известных ученых, разработал их научные биографии. Позднее осуществлял руководство научно-издательской деятельностью Архива АН (составлял отчеты, планы, вел переписку с издательством Академии наук), занимался подготовкой к печати выпусков серийного издания «Труды Архива Академии наук». Для первого выпуска (в 1933 г.) составил и отредактировал (совместно с Г. А. Князевым) «Обозрение архивных материалов». Для второго (в 1935 г.) отредактировал научное описание: «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века», над которым работала Л. И. Любименко. В 1937 г. в третьем выпуске «Трудов Архива Академии наук» Модзалевский, исполнивший обязанности хранителя рукописей М. В. Ломоносова, опубликовал свою работу «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР».

С 18 апр. 1928 г. Лев Борисович одновременно с работой в Архиве стал сверхштатным научным сотрудником Пушкинского Дома. 26 ноября 1929 г. был уволен согласно постановлению Правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук. Но, несмотря на эти обстоятельства, не прекращал своих исследований по биографии и творческому наследию А. С. Пушкина.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. он подготовил совместно с С. Я. Гессеном книгу «Разговоры Пушкина» (1929), написал для разных изданий цикл статей, посвященных поэту. Среди них — «Выстрел Дантеса. Неизданное письмо о смерти Пушкина» (1929); «Новые автографы Пушкина» (1931). В 1934 г. Лев Борисович обнаружил и опубликовал текст поэмы «Тень Фонвизина», доказав ее принадлежность Пушкину.¹⁹

В 1930 г. по приглашению П. Е. Щеголева он стал участником первого Полного собрания сочинений А. С. Пушкина (приложение к журналу «Красная нива»). К «Путеводителю» для пятого тома (1930 г.) отредактировал три текста поэта («Отрывки из писем, мысли и заме-

¹⁷ Личный листок по учету кадров Л. Б. Модзалевского: Там же, оп. 2, № 19, л. 1–2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Модзалевский Л. Б.* «Тень Фонвизина»: Неизданная сатирическая поэма Пушкина»: Сообщение // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 815–824.

чания», «Выписки о Поле Поттере» и «Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве. 1830»); для шестого тома — подготовил 106 отдельных статей (1931 г.). Позднее занимался комментированием третьего тома писем Пушкина за 1831—1833 гг., начатого в последние годы жизни Борисом Львовичем. Предполагалось, что он будет издан Ленинградским отделением Госиздата так, как и два предыдущих в 1926 и 1928 гг.

В связи с этими работами 23 сент. 1930 г. Щеголев писал о своем подопечном в профсоюзную Секцию научных работников: «Льва Модзалевского я знаю давно и слежу за его работой. Ученик своего отца, он с рвением идет по его стопам. Последнее время он работал под моим руководством по Пушкину для Гизовского издания сочинений Пушкина. Л. Б. Модзалевский сочетает солидные библиографические знания с текстологическим опытом. В настоящее время, по моей инициативе, Ленотгиз передал ему ответственную работу по завершению комментирования писем Пушкина, не законченного Б. Л. Модзалевским».²⁰

Письма Пушкина за 1831—1833 гг., к которым Лев Борисович вслед за отцом с 1930 г. готовил комментарии, вошли в третий том писем поэта. В 1935 г. том вышел в свет под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского в издательстве «Academia».

В 1933 г. по решению Президиума АН Льва Борисовича ввели в состав Пушкинской комиссии ИЛИ (в 1945—1946 гг. он был ее секретарем). В том же году постановлением Президиума Академии наук комиссию официально причислили к Институту русской литературы. Таким образом, Модзалевский, продолжая работу в Архиве АН, получил по совместительству должность научного сотрудника Пушкинского Дома. Он фактически стал первым штатным хранителем Пушкинского фонда, которому был присвоен № 244, и впервые сформировал его первую архивную опись: «Автографы А. С. Пушкина в архиве А. С. Пушкина Рукописного отдела ИЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР». Экземпляр этой описи, в которую Л. Б. Модзалевский вносил поправки и дополнения, сохранился в архиве ученого.²¹

Позднее (с мая 1939 г. по 1 июня 1940 г.) по условиям договора, заключенного с дирекцией института, Лев Борисович заведовал не только Пушкинским, но также рукописными фондами Лермонтова и Гоголя, занимался атрибуцией архивных документов, проводил консультации, кроме того, на договорной основе участвовал в издательских проектах института.²²

25 окт. 1935 г. постановлением Президиума АН СССР Модзалевскому по совокупности научных работ в области истории русской нау-

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 26, л. 2.

²¹ Там же, № 18, л. 1—47.

²² Там же, № 42, л. 26; издательские договоры и соглашения Л. Б. Модзалевского за 1929—1947 гг. на работы, посвященные Н. В. Гоголю, М. Ю. Лермонтову, А. С. Пушкину, см.: Там же, № 109—140.

ки и литературы была присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации.

Важными вехами в деятельности ученого и для пушкиноведения в целом стали вышедшие в свет два издания: «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» (1935, соавт. с М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер) и «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание» (1937, соавт. с Б. В. Томашевским) с приложением таблицы сортов бумаги, на которой в разные годы писал поэт. На основе этих работ были уточнены многие датировки произведений Пушкина и идентифицированы автографы его современников.²³

8 апреля 1938 г., после завершившейся в Москве Всесоюзной Пушкинской выставки, посвященной 100-летию со дня смерти поэта, Л. Б. Модзалевскому было отправлено письмо за подписью зам. директора Института мировой литературы им. М. Горького, А. А. Канчева.

Сообщая о том, что институт приступил к выполнению Постановления правительства об организации Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, он обратился ко Льву Борисовичу с просьбой: «Взять на себя выявление и учет автографного (так!) наследия А. С. Пушкина, архивных документов, связанных с его жизнью и творчеством; и редких книг поэта и о нем, находящихся в разных государственных и общественных учреждениях г. Ленинграда и Ленинградской области».²⁴

Отвечая А. А. Канчеву, Модзалевский 25 апреля сообщал: «В настоящее время для меня выяснилось, что один, без помощника-исполнителя я не в состоянии при всем моем желании взять на себя предлагаемое мне поручение, так как, работая в двух научных учреждениях Академии наук СССР, я связан с пребыванием в течение служебных часов (с 10 до 5 ч.) в названных учреждениях; и потому ограничен в своем передвижении по городу в служебное время».²⁵

Позднее, 19 окт. 1939 г., Л. И. Пономарев, первый директор Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, отправил Модзалевскому телеграмму с предложением занять должность заведующего Рукописным сектором Музея с окладом в тысячу рублей. Оно заинтересовало Лева Борисовича, потому что к тому времени музей располагал самым полным собранием автографов поэта.

20 окт. 1939 г. он отправил письмо Пономареву, сообщая в нем о том, что «получил телеграмму с предложением занять должность заведующего Рукописным сектором Музея А. С. Пушкина и сегодня телеграфировал <...> о принципиальном согласии».²⁶ Вместе с тем, Лев Борисович

²³ Левкович Я. Л. Борис Викторович Томашевский // Борис Викторович Томашевский: 1890–1957: К 100-летию со дня рождения. М., 1991. С. 12–13.

²⁴ См.: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, ед. хр. № 119, л. 1.

²⁵ Там же, л. 2, 2 об.

²⁶ Там же, л. 5.

оговаривал в письме условия, при которых он сможет дать окончательный ответ по поводу предлагаемой ему должности в Москве. Модзалевский писал Пономареву: «Мой заработок <...> выражается ежемесячно в сумме 1.300 рублей, не считая отдельных гонорарных работ. Ваше предложение ставки в размере 1000 рублей в месяц меня, естественно, удовлетворить не может. Я могу согласиться лишь на 1.500 р. в месяц. Кроме того, неясен из Вашей телеграммы вопрос с предоставлением мне жилой площади, имея в виду, что у меня для моей научной работы имеется громадная, научно подобранная по специальности библиотека (ок<оло> 10.000 томов), которую я не могу ликвидировать при переезде в Москву. Прошу сообщить мне поэтому, может ли быть мне предоставлена квартира, в которой я смог бы разместиться с семьей в 5 человек и с моей библиотекой?»²⁷

Не получив из Москвы ответов на волновавшие его вопросы, Модзалевский продолжал исполнять ответственные поручения одновременно в двух ленинградских академических учреждениях.

В 1939 г. его избрали членом Комиссии по истории АН под председательством акад. С. И. Вавилова. Он занимался редактированием (совм. с А. И. Андреевым) «Ломоносовских сборников». Первый из них вышел в свет до войны (1940), два других — после ее окончания (1946, 1948). К началу 1942 г. написал главу «История Академии Наук. 1830—1855 гг.» для большого коллективного издания «История Академии Наук 1725—1925 гг.», в которой, по отзыву А. И. Андреева, «проявил исключительное знание источников и эпохи и дал большое исследование на тему, представляющее, в сущности, самостоятельный научно-исследовательский труд».²⁸

В начале Великой Отечественной войны, когда линия фронта подходила к Пулковским высотам и возникла опасность безвозвратной утраты уникального архива Главной астрономической обсерватории АН СССР, его, как члена Комиссии, по постановлению Президиума АН СССР дважды, 28 июля и 9 авг. 1941 г., направляли в Пулково. В результате ценнейшие документы за 100-летнее существование Обсерватории были спасены. Модзалевский вместе со своим сослуживцем по Архиву АН, П. М. Стуловым, сумели вывезти их в Ленинград до начала упорных боев за Пулковские высоты.²⁹

12 окт. 1941 г. Льва Борисовича временно уволили из Пушкинского Дома в связи с сокращением штатов, но он оставался в штате Архива АН.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, ед. хр. № 119, л. 5 об. — 6.

²⁸ Отзыв докт. истор. наук, члена Ученого совета Комиссии по истории АН А. И. Андреева о работе Л. Б. Модзалевского от 13 марта: Там же, № 38, л. 1.

²⁹ Распоряжение Президиума АН о командировании Модзалевского в Пулковскую обсерваторию см.: Там же, № 42, л. 1; также: *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. С. 174.

После первой блокадной зимы сотрудницы Архива АН Ирина Сергеевна Лосева и Анна Викентьевна Цветникова³⁰ на ручной грузовой тележке отвезли обессиленного от голода Модзалевского в госпиталь. Лев Борисович записал в академическом справочнике-календаре: «21 апреля 1942 г. Понедельник. Я поступил в госпиталь № 108 со скрюченной от цинги ногой (ул. Герцена, д. № 39, “Астория”). <...> 19 мая 1942 г. Вторник. Переведен из “Астории” в другой госпиталь по ул. Плеханова, д. № 17, (в наст. время — пер. Гривцова, дом № 12) здание б<ывшей> 2-й СПб. гимназии, где учился мой отец».³¹ 29 июня 1942 г. с диагнозом «истощение I степени и остаточные явления цинги» Льва Борисовича направили на амбулаторное лечение.³²

12 июля 1942 г. Л. Б. Модзалевского вместе с женой Е. А. Модзалевской, тещей В. Н. Фаворской и сестрой первой жены, Е. Н. Ващенко эвакуировали из Ленинграда в Казань, оттуда в Елабугу: «Прибыли в Елабугу в воскресенье, 27 июля», — отметил он еще одну памятную дату в академическом справочнике-календаре.³³

В Елабуге Модзалевский заведовал кафедрой истории русской литературы в эвакуированном Воронежском государственном университете, читал курс лекций и руководил исследовательским семинаром по литературе XVIII века.

В апр. 1943 г. он вынужден был оставить преподавательскую деятельность в Елабуге и выехать в Казань, где стал выполнять новые возложенные на него поручения и обязанности. В связи с предстоящим 150-летним юбилеем со дня рождения Н. И. Лобачевского Лев Борисович по распоряжению акад. С. И. Вавилова приступил к руководству группой сотрудников по выявлению архивных биографических документов известного российского математика для подготовки посвященного этому событию издания. В 1948 г. в ряду других юбилейных работ появилась книга «Материалы к биографии Н. И. Лобачевского», которую составил и отредактировал Модзалевский (Труды Комиссии по истории физико-математических наук под ред. С. И. Вавилова).

15 июня 1943 г. его избрали секретарем Музейной и Архивной Комиссии АН СССР.

1 июля того же, 1943-го, года Лев Борисович получил должность старшего научного сотрудника и был назначен заведующим Рукопис-

³⁰ Лосева Ирина Сергеевна (1904 — после 1943) в 1935–1943 гг. — науч. сотр., учен. секретарь Архива АН; с июля 1942 г. исполняла обязанности директора Архива; Цветникова Анна Викентьевна (1903 — после 1953) в 1936–1953 гг. — архивариус, комендант, источник, мл. научн. сотр. Архива АН СССР. Сведения приводятся по изд.: Миллеровские чтения: К 275-летию Архива Российской академии наук: сб. науч. ст. по материалам Межд. науч. конф. 25–25 апр. 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., 2013. С. 111.

³¹ См.: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 28, л. 17 об., 20 об.

³² Справка из больницы, выданная Л. Б. Модзалевскому 29 июня 1942 г.: Там же, оп. 2, № 48, л. 1.

³³ Там же, № 26, л. 17.

ным отделом Пушкинского Дома. (Документы, связанные с его деятельностью в Комиссии и в Рукописном отделе Пушкинского Дома в годы Великой отечественной войны, публикуются в Приложении.)

В мае 1944 г. Модзалевский возвратился из Казани в Ленинград и приступил к организации работы Рукописного отдела Института литературы в условиях послевоенного времени.

В 1945 г. он инициировал создание специального периодического издания: «Бюллетени Рукописного отдела Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР». Два первых выпуска этого издания вышли в свет с участием Модзалевского. Для первого из них (1947 г.) он (совм. с Л. М. Добровольским) составил «Краткий исторический очерк», посвященный 35-летней истории собрания фондов и коллекций Рукописного отдела, и подготовил к печати публикацию «Ранняя редакция стихотворения А. А. Блока “Пушкинскому Дому”» из альбома Е. П. Казанович. В другом выпуске (1949 г.; посмертно) вышло в свет его «Краткое описание автографов М. Ю. Лермонтова в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР».

С 1 мая 1946 г. Лев Борисович по собственному желанию оставил заведование Рукописным отделом, чтобы завершить докторскую диссертацию «Ломоносов и его литературные отношения в Академии Наук (из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века)», успешная защита которой состоялась в Институте литературы 28 мая 1947 г.

В 1948 г. Модзалевский закончил подготовку к печати первого комментированного научно-критического свода всей научной переписки М. В. Ломоносова за 1737—1765 гг. и подготовил первый том его полного собрания сочинений.

Современники, отмечая заслуги Льва Борисовича, рассматривали его исследовательскую и научно-организационную деятельность «как весьма особенное и значительное явление». Так, 15 марта 1942 г. акад. И. Ю. Крачковский писал в отзыве о нем: «В лице Л. Б. Модзалевского мы встречаем редкое и счастливое сочетание архивного деятеля-теоретика и практика, крупного библиографа и снискавшего почетную известность литературоведа. Только исключительно счастливой обстановкой, окружавшей его в первый период научного труда, может быть объяснен такой факт. Этот период падает на трудное по внешним обстоятельствам время первых лет Октябрьской революции, но Л. Б. Модзалевский все время имел перед глазами пример своего отца — основателя Пушкинского Дома, выдающегося архивиста и заслуженного литературоведа».³⁴

Ю. Г. Оксман, который с 1913 г. состоял в деловых и дружеских взаимоотношениях с Б. Л. Модзалевским и близко общался со Львом Бо-

³⁴ Отзыв И. Ю. Крачковского о работе Л. Б. Модзалевского: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 48, л. 1.

рисовичем со времени его обучения в университете и в аспирантуре, знал, как отец и сын походили друг на друга по образу жизни, по преданному служению науке. Юлиан Григорьевич надеялся на то, что Л. Б. Модзалевский, в отличие от отца, который перегружал себя работой и потому так рано, на 54-м году, ушел из жизни, сможет с большим вниманием относиться к своему здоровью. 7 янв. 1948 г. он писал Л. Б. Модзалевскому:

«Очень было бы интересно знать, как наладился ваш быт, дорогой Лев Борисович. Берегите себя, не перерабатывайте сверх сил. Помните, как сгорел — бессмысленно и безвременно — Борис Львович, один из самых замечательных людей русской науки, большой ученый и большой человек, положивший себя с таким неслыханным самоотвержением в фундамент Пушкинского Дома».³⁵

Перегруженный должностными обязанностями, исследовательскими, редакторскими, договорными и организационными работами в двух академических учреждениях, многими специальными ответственными поручениями, Лев Борисович умер, не дожив до 46 лет. Он трагически погиб от болевого шока 26 июня 1948 г. во время служебной командировки, выпав из поезда при невыясненных обстоятельствах, рядом с железнодорожной станцией Вышний Волочек Калининской области (в наст. время — Тверская). Лев Борисович направлялся из Ленинграда в Москву, где должен был получить (в соответствии с Постановлением Президиума АН от 2 июня 1948 г.) из Литературного музея А.С. Пушкина при ИМЛИ АН СССР автографы поэта.³⁶ 30 июня 1948 г. его похоронили в Ленинграде на Кленовом участке Волкова кладбища.

Л. Б. Модзалевский — автор более 120 научных трудов по истории русской науки и литературы XVIII—XIX вв.: монографии «Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (1751—1763)» (опубл. посмертно СПб., 2011), книг, статей, описаний и обзоров архивных документов; составитель картотеки «Personalia» с биографическими, библиографическими и генеалогическими сведениями о деятелях литературы и общественно-политического движения XVIII—XX вв.; составитель, редактор и комментатор отдельных томов собр. соч. и писем А. С. Пушкина; редактор собр. соч. М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского, серийного издания «Труды Архива АН СССР» (1933—1940, вышло 5 выпусков); организатор, автор и редактор «Бюллетеней Рукописного отдела Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР» и др.

Особенно много им сделано для изучения биографии и творческого наследия А. С. Пушкина, М. В. Ломоносова и Н. И. Лобачевского.

³⁵ Там же, № 264, л. 5.

³⁶ Существующее в литературе о Л. Б. Модзалевском мнение о причастности к его гибели органов НКВД не имеет документальных подтверждений.

Основные его труды вошли в золотой фонд исследовательских работ российских историков науки и литературы.

22 дек. 1942 г. Л. Б. Модзалевскому была вручена медаль: «За оборону Ленинграда». 10 июля 1945 г. в связи с 220-летним юбилеем Академии наук СССР за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники он был награжден орденом «Знак почета». 4 февр. 1946 г. Лев Борисович получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

ПРИЛОЖЕНИЕ

15 июня 1943 г. на Распорядительном совещании Президиума АН СССР было принято постановление об организации Музейной и Архивной Комиссии (вместо Музейной Комиссии 1939 г.), которая стала осуществлять «общее руководство и контроль от имени Президиума АН СССР по учету, специальному надзору и хранению музейных и архивных ценностей и проверке их состояния на местах, а также подготовку к плановому сосредоточению по окончанию войны всех разрозненных материалов».³⁷ В нее вошли: академики П. И. Степанов (председатель), Н. С. Державин (зам. председателя), А. А. Борисяк, С. И. Вавилов, А. М. Деборин, А. Е. Ферсман, И. Ю. Крачковский, Б. Д. Греков; Г. А. Князев (директор Архива АН СССР). Л. Б. Модзалевский был назначен научным секретарем.

Эвакуация культурных, художественных, исторических ценностей из Ленинграда и Москвы проходила с 30 июня 1941 г. по 19 авг. 1942 г.

30 июня 1941 г. в Свердловск из Ленинграда отправился первый специальный поезд из 22 вагонов с эрмитажными сокровищами, упакованными в 1118 ящиков. Возглавлял эшелон заведующий Отделом западноевропейского искусства В. Ф. Левинсон-Лессинг.³⁸

6 июля 1941 г. в составе военного эшелона Артиллерийского исторического музея Красной армии были эвакуированы в Новосибирск 28 ящиков с музейными, архивными и библиотечными ценностями, принадлежавшими Пушкинскому Дому. Среди них находились рукописи Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина и других выдающихся писателей.³⁹

20 июля 1941 г. в Свердловск отбыл второй эшелон с музейными ценностями из Эрмитажа. Вместе с ними были отправлены из Институ-

³⁷ Копия выписки из протокола № 6 Распорядительного заседания Президиума АН СССР в комплексе документов по деятельности Л. Б. Модзалевского в Архивной и Музейной Комиссии: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2. № 91, л. 1, 2.

³⁸ *Зимина О. Г.* Трудный путь к Победе // «Мы будем помнить эти годы...»: Эрмитажная летопись войны и победы: каталог выставки. СПб., 2015. С. 9, 10.

³⁹ Об эвакуации и реэвакуации пушкинодомских материалов см.: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. С. 283—300.

та литературы 42 ящика с книгами из личной библиотеки А. С. Пушкина, 12 ящиков с материалами из собрания Фонограммархива; из Архива АН — 30 ящиков с рукописными фондами; из Музея истории религии Академии наук — 7 ящиков с музейными материалами и две коллекции из Музея Горного института с золотыми самородками и музыкальными инструментами. Начальником этого поезда из 23 вагонов был назначен заведующий Отделением Сибири Эрмитажа М. П. Грязнов.

В августе 1941 г. в Томск прибыли из Москвы архивные и музейные материалы, принадлежавшие Музею Л. Н. Толстого, Музею-усадьбе «Ясная Поляна» и Институту мировой литературы им. А. М. Горького с его учреждениями и секторами.

В июле 1942 г. началась эвакуация историко-литературных и музейных материалов Пушкинского Дома в Казань. По устному распоряжению начальника Ленинградского административно-хозяйственного управления (ЛАХУ) Академии наук СССР М. Е. Федосеева из блокадного Ленинграда сопровождали ценный груз сотрудник ЛАХУ Н. А. Семеновский и завхоз Зоологического института АН СССР Клименко.

Транспортировка материалов в трудных военных условиях проходила в несколько этапов. Сначала 19 июля 1942 г. 107 ящиков с архивными материалами, 6 ящиков с двумя старинными бронзовыми люстрами вместе с уникальным фонографом были погружены в два вагона и отправлены в порт «Осиновец». 23 июля их перезагрузили на баржу и переправили на другой берег Ладожского озера к пирсу № 2 «Косы». Ночью весь груз выгрузили и вывезли на вагонетках под открытое небо к платформам железной дороги. 26 июля погрузили в вагоны другого состава, который направился в Казань.⁴⁰

Л. Б. Модзалевский, исполняя секретарские обязанности организованной в 1943 г. Комиссии, осуществлял надзор за состоянием эвакуированных академических историко-культурных ценностей, которые находились в Казани, где в то время он постоянно проживал до эвакуации в Ленинград; а также в Свердловске, Новосибирске и Томске, куда его неоднократно направляли с инспекционными поручениями.

В этих центральных сибирских городах и в Казани размещались временные хранилища. Для них использовались арендуемые Академией наук помещения в зданиях, принадлежавших Свердловской картинной галерее (на ул. Вайнера, дом 11; филиал на ул. Первомайской, дом 24), Дому науки и культуры (на пл. Сталина, дом 38, где находился Новосибирский государственный театр оперы и балета), Научной библиотеке Томского государственного университета (на пр. Тимирязева, дом 3), Центральному музею краеведения Татарской АССР (в Казани, в основном здании на ул. Чернышевского, дом 2 и во флигеле, выходящем во двор).

⁴⁰ См. объяснительную записку (от 31 июля 1943 г.) ответственного исполнителя ЛАХУ АН СССР Н. А. Семеновского, сопровождавшего материалы, которые вывозились из Ленинграда в Казань: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 91, л. 16—16 об.

В личном архиве Модзалевского имеется значительный комплекс материалов, относящихся к его секретарской деятельности в Музейной и Архивной Комиссии: командировочные удостоверения ученого, составленные им ревизионные акты обследования хранилищ и находящихся в них материалов; отчеты, докладные записки, переписка с сотрудниками Академии наук и др. По этим документам военного времени удалось установить событийную канву организационных мероприятий по эвакуации академических ценностей из Ленинграда и Москвы, а также уточнить их объем, состав, даты отправления в Сибирь и Казань; выяснить адреса зданий, в которых находились временные хранилища; ознакомиться с их внутренними помещениями и созданными в них условиями хранения и охраны документов.⁴¹ Преамбула к публикуемым материалам написана с опорой на эти источники.

В настоящей работе впервые публикуются три документа военных лет: 1) Отчет Рукописного отдела (Архива) Института литературы Академии наук СССР с июля 1 по 31 декабря 1943 года. Казань; 2) Отчет Л. Б. Модзалевского о командировке в Новосибирск, Томск, Свердловск и Казань, в которой он находился с 28 ноября по 25 декабря 1943 г.; 3) Акт о контрольном вскрытии одного из ящиков с книгами из личной библиотеки А. С. Пушкина, составленный 22 декабря 1943 г. в Свердловске.⁴²

Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами.

1. «Отчет Рукописного отдела (Архива) Института литературы Академии наук СССР с июля 1 по 31 декабря 1943 года. Казань»

В июле 1942 года 107 ящиков с ценнейшими архивными материалами Рукописного Отдела были эвакуированы из Ленинграда в Казань в исключительно тяжелых условиях эвакуации и в течение последующего времени находились до июля 1943 года в состоянии консервации. Сперва на складе Техснаба Академии Наук СССР, а затем в неотапливаемом помещении Центрального музея краеведения Татарского АССР, по ул. Чернышевского, д. 2.

Только с 1 июля 1943 года Рукописный отдел на базе этих 107 ящиков развернул предварительную работу по проверке состояния этих архивных материалов путем контрольного постепенного вскрытия указанных ящиков. Под руководством вновь назначенного заведующего Рукописным отделом профессора Л. Б. Модзалевского приглашенный младший научный сотрудник С. И. Рогозина,⁴³ при одном

⁴¹ Там же, № 91, л. 1—105; также см.: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. С. 294—300.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 91, л. 26—54.

⁴³ *Рогозина С. И.* — вероятно, сотр. Казанского гос. университета.

техническом сотруднике и с помощью 4-х аспирантов, работавших поочередно в помещении отдела, было произведено контрольное вскрытие названных ящиков. Причем на каждый ящик составлялся подробный акт вскрытия и описания внешней сохранности самих материалов, с одновременной проверкой содержания каждого ящика, согласно имеющимся в распоряжении отдела описям, составленным еще при укладке ящиков в Ленинграде. Тем самым производилась и приемка всех материалов.

По этому вопросу следует сказать, что укладка и составление описей на каждый ящик еще в Ленинграде в условиях спешной подготовки ящиков к эвакуации производились недостаточно аккуратно и тщательно. Поэтому при проверке содержимого оказалось, что в некоторых ящиках наличие материалов не всегда соответствовало содержанию описей: иногда материала в наличии оказывалось больше, иногда — меньше. Все расхождения в каждом отдельном случае точно фиксировались в актах приемки и проверки. Некоторые описи ящиков составлялись в Ленинграде настолько кратко, что сейчас уже нет возможности точно фиксировать отсутствие или дополнительное наличие материалов в каждом отдельном ящике. Во всяком случае, за исключением 2-х ящиков (номера 6 и 61), обнаруженных впоследствии в Московском отделении Архива Академии наук СССР в Москве (куда они случайно были доставлены при содействии заведующего Московским отделением Архива Ф. Д. Гетмана, после того как они были потеряны в дороге за время перевозки их из Ленинграда в Казань), и 2–3-х ящиков, разбитых в дороге во время перевозки (причем все их содержание оказалось в наличии), — все остальные ящики, до их вскрытия в помещении отдела, находились налицо во внешней сохранности, и никаких утрат самого материала после произведенной проверки не обнаруживается. Мелкие расхождения в отдельных единицах хранения по сравнению с описями могут быть объяснены лишь указанной неточностью во время упаковки материалов в ящики еще в Ленинграде. К началу нового 1944 года вся работа по деконсервации ящиков с архивными материалами, в общем количестве 105 ящиков, полностью закончена.

Что касается состояния извлеченных из ящиков архивных материалов, то здесь необходимо констатировать, что, наряду с большинством абсолютно не пострадавших материалов, некоторые из них частично все же отсырели, пропитались влагой, а некоторые рукописи в переплетах покрылись снаружи налетом плесени. Коллективу работавших в отделе сотрудников и аспирантов пришлось проделать большую и кропотливую, а главное — длительную работу по ликвидации всех последствий этих процессов: были произведены просушка влажных рукописей, снятие плесени с переплетов и т. п. мероприятия, которые проводились под непосредственным наблюдением и руководством заведующего Рукописным отделом. В результате этой работы пострадавшие рукописи были приведены в нормальное (в отношении влажно-

сти) состояние. И никаких следов порчи бумаги и, особенно, текста на них не осталось, за исключением рукописей из части архива Аксаковых, находившихся в особо подмокшем ящике за № 49, а также рукописей из части архива Д. П. Ознобишина (из ящика № 53) и некоторых других. Многие рукописи, бывшие в этих ящиках, после просушки несут на себе некоторые следы порчи бумаги и отчасти текстов и впоследствии при нормальных условиях хранения потребуют специальной реставрации в специальной реставрационной мастерской, которой в Казани в настоящее время не имеется.

За отчетный период времени подвергнуто проверке, просмотру и частично просушке свыше 55.000 единиц хранения архивных материалов, если считать в среднем по 500 единиц хранения в каждом из 105 вскрытых ящиков.

Условия, при которых приходилось производить указанную сложную и ответственную работу, нужно считать, безусловно, ненормальными в особенности при начале работы. Достаточно отметить, что самое помещение в течение трех первых месяцев (июль—сентябрь) являлось во многих отношениях непригодным для правильной постановки работы (потолок со следами протечек, влажность воздуха и т. п.). Постоянное ежедневное проветривание помещения на протяжении летних месяцев отчасти ликвидировало недостатки помещения, но не разрешало вопроса о дальнейшем хранении материалов в осенних и зимних условиях. Сказывалось также и полное отсутствие элементарного оборудования (стеллажей, шкафов, коробок, столов, стульев и т. п.), не было и самых необходимых хозяйственных принадлежностей и предметов, специфически важных для хранения подобных ценностей (например, пломбираторов и др.). Все это, безусловно, отражалось на темпах работы Рукописного отдела в целом. Нужно сказать, что руководство Центрального музея краеведения в лице его директора В. М. Дьяконова всячески шло навстречу нуждам отдела. Постепенно музей предоставил в распоряжение отдела некоторое оборудование (несколько шкафов, столов, стульев и др.), ежедневно пломбировал своими пломбами помещение Рукописного отдела и оказывал внимание к его неотложным потребностям.

Наконец, вполне сознавая ценность хранящихся в Рукописном отделе материалов, дирекция музея пошла отделу навстречу в самом главном вопросе: предоставила Рукописному отделу одно из лучших своих помещений, сухое, теплое и закрывающееся специальными металлическими жалюзи, во втором этаже, но с печным отоплением. В первых числах октября 1943 года все имущество Рукописного отдела в течение двух дней было переведено в новое помещение. Причем эта сложная и большая работа была осуществлена настолько планомерно и организованно, что (уже после переброски материалов и оборудования в новое помещение) Рукописный отдел на следующий же день смог продолжать свою текущую работу (без всякого ущерба и даже бо-

лее интенсивно, чем раньше), вследствие получения дополнительного оборудования от музея, которое обеспечивает в настоящее время хранение вынутых из ящиков материалов.

В связи с поступающими от разных лиц предложениями о приобретении от них рукописей и других архивных материалов, имеющих историко-литературное значение, по инициативе Рукописного отдела дирекция Института литературы АН СССР приказом от 6-го ноября 1943 г. за № 194 образовала специальную постоянную Экспертно-оценочную комиссию в составе: председателя — заведующего Рукописным отделом профессора Л. Б. Модзалевского; членов Комиссии: члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц,⁴⁴ пом-ошника >директора Института литературы Т. И. Шаргородского, ученого секретаря института М. О. Скрипиля⁴⁵ и старшего научного сотрудника Д. С. Лихачева.⁴⁶ Комиссия эта имела два заседания (10-го ноября и 28-го декабря 1943 года), на которых по докладу председателя подвергла экспертизе и оценке предложенные к приобретению разные архивные материалы, принадлежащие профессору М. А. Васильеву в Казани. Всего по актам приобретено у него материалов, имеющих историко-литературное значение, в рукописях XVII—XIX вв. на сумму 6.080 рублей. Среди них нужно отметить автографы: Л. Н. Толстого, Д. Б. Григоровича, П. Д. Боборыкина, А. А. Шахматова, Г. Н. Потанина и многих других; часть архива казанского деятеля Н. Я. Агафонова; материалы из архива поэта Д. П. Ознобишина, служащие дополнением к приобретенному ранее архиву Ознобишина; материалы «Общества любителей русской словесности при Казанском Университете» за 1899—1901 гг.; бумаги «Общества вольных упражнений в российской словесности в Казани» за 1806—1814 гг. с автографами С. Т. Аксакова и многие др. На очереди стоит рассмотрение новой партии рукописных материалов, предлагаемых к приобретению профессором М. А. Васильевым и другими лицами.⁴⁷ От гражданина Н. М. Коровина постанов-

⁴⁴ *Адрианова-Перетц Варвара Павловна* (1888—1972) — ст. науч. сотр. (с 1934 г.) Отдела древнерусской лит-ры ИЛИ; д-р филол. наук (с 1935 г.), чл.-корр. (с 1943 г.), в 1947—1954 гг. возглавляла Отдел.

⁴⁵ *Скрипиль Михаил Осипович* (1892—1957) — науч. сотр. (с 1934 г.) Отдела древнерусской лит-ры, с 1942 до апр. 1945 г. — учен. секр. ИЛИ.

⁴⁶ *Лихачев Дмитрий Сергеевич* (1906—1999) — ст. науч. сотр. Отдела древнерусской лит-ры (в 1938—1941 гг.), зав. Сектором (в 1954—1999 гг.); впоследствии акад. АН СССР (с 1970 г.), РАН (с 1991 г.).

⁴⁷ Приобретенные в 1943—1944 гг. у историка литературы, профессора Казанского университета Михаила Андреевича Васильева (1878 — после 1944) документы составили вновь образованные фонды в РО Пушкинского Дома: ф. 141 (личный арх. М. А. Васильева); ф. 13 (личный арх. Н. Я. Агафонова, прозаика, историка-краеведа, библиографа, редактора-издателя «Камско-Волжской газеты»); ф. 107 (арх. Казанского общества отечественной словесности); ф. 634 (личный арх. Г. Н. Потанина, писателя); см.: Кн. пост. за 1943 г., № 9, 10; подробнее см.: Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома: Аннотированный указатель. СПб.,

лением Комиссии приобретен для Музея Института литературы портрет маслом XVII в. писателя Максима Грека, хранящийся временно в Рукописном Отделе института и подлежащий затем передаче в Музей Института литературы.⁴⁸ Во время работы по вскрытию ящиков Рукописного отдела заведующий отделом, просматривая лично все проверяемые материалы, одновременно производил выявление наиболее интересных и важных литературных материалов и автографов с целью дальнейшей подготовки их к печати в «Трудах Института литературы». Среди выявленных материалов, ранее совсем неизвестных, им определены по почерку следующие автографы:

1) Рукопись В. А. Жуковского с историко-литературными набросками. 2) Отрывок из неизвестного литературного произведения Н. В. Гоголя. 3) Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к И. С. Аксакову. 4) Автограф стихотворений поэта гр. А. К. Толстого и некоторые другие рукописи. Для специалиста по В. Г. Белинскому ст. научному сотруднику Н. И. Мордовченко⁴⁹ предоставлен для работы неизвестный до настоящего времени автографический материал В. Г. Белинского (его рукопись о воспитании и большое количество писем раннего периода его деятельности). Аспиранту (так!) Л. М. Лотман⁵⁰ предоставлены для работы по ее диссертации автографы драматурга А. Н. Островского и среди них черновик его речи о Пушкине, имеющий важное значение в истории создания этой речи.⁵¹ Кроме того, Л. М. Лотман во время работы над рукописями пользовалась постоянной научной консультацией как заведующего Рукописным отделом, так и его заместителя Н. И. Мордовченко. Научную консультацию получали также и другие аспиранты. Наиболее ценные из перечисленных материалов в настоящее время подготавливаются к печати для специального отдела

1999. В 1949 г. по распоряжению Президиума АН автограф письма Л. Н. Толстого к П. П. Васильеву из ф. 141 был передан в Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве. Рукописи XVII–XIX вв. в настоящее время хранятся в Дрeвлекранилище им. В. И. Малышева: Р. IV, оп. 24, № 20, 33, 80 и др.

⁴⁸ Имеется в виду приобретенная у известного казанского коллекционера, собирателя предметов старинного быта Николая Мефодиевича Коровина икона с изображением Максима Грека работы неустановленного художника. В 1945 г. после эвакуации академических ценностей в Ленинград она была передана на хранение в Литературный музей Пушкинского Дома (см. запись в Кн. пост. Литературного музея ИРЛИ за 1945 г.: инв. № ПДИ–58765).

⁴⁹ *Мордовченко Николай Иванович* (1904–1951) – ст. науч. сотр. Пушкинского Дома в 1934–1951 гг., специалист по изучению журнальной деятельности В. Г. Белинского, в 1948 г. защитил докт. дисс. «Русская критика первой четверти XIX в.».

⁵⁰ *Лотман Лидия Михайловна* (1917–2011) – аспирантка ИЛИ (с 1939 г.), в 1946 г. защитила канд. дисс. «А. Н. Островский и натуральная школа 40-х годов», в 1972 г. – докт. дисс. «Русская художественная проза 1860-х годов»; науч. сотр., ст. науч. сотр., вед. науч. сотр. Пушкинского Дома (1946–2001 гг.).

⁵¹ Имеется в виду речь А. Н. Островского по случаю открытия 18 июня 1880 г. памятника А. С. Пушкину в Москве. См.: РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 2, № 20.

в «Трудах» Института литературы (Л. М. Лотман, Л. Б. Модзалевский и Н. И. Мордовченко).

В ноябре—декабре 1943 г. заведующий Рукописным отделом был командирован дирекцией Института литературы в Новосибирск для обследования состояния эвакуированных туда еще в июле 1941 г. из Ленинграда архивных, музейных и библиотечных ценностей Института (рукописи Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и других классиков). На обратном пути заведующий Рукописным отделом был в Свердловске, где также обследовал состояние эвакуированных туда из Ленинграда вместе с материалами Государственного Эрмитажа архивных и библиотечных материалов Института литературы (личная библиотека Пушкина и Фонограммархив). Подробный отчет о командировке зав. Рукописным отделом представил в дирекцию Института. По этому отчету дирекция Института литературы вынесла решение о признании условий хранения архивных, библиотечных и музейных материалов и в Новосибирске, и в Свердловске соответствующими требованиям, предъявляемым в настоящее время к хранению ценных архивных материалов. На время отсутствия заведующего отделом по постановлению дирекции замещал его ст. научный сотрудник Н. И. Мордовченко.

Опыт работы в условиях эвакуации показал, что существующий штат сотрудников (указанный выше) ни в какой мере не соответствует истинным потребностям Рукописного отдела. В дальнейшем при развертывании работы потребуются, конечно, увеличение штата Рукописного отдела на несколько единиц, а также ассигнования дополнительных средств, что подробно обосновано в специальной докладной записке к бюджету Рукописного отдела, представленной в дирекцию Института литературы АН СССР.

По докладу заведующего Рукописным отделом на совещании дирекции Института литературы, состоявшегося 3 января 1944 г., постановила считать произведенную в течение полугода работу в Рукописном отделе по деконсервации всех рукописных материалов, находящихся в Казани, вполне удовлетворительной.

Зав. Рукописным отделом (Архивом)
Института литературы АН СССР
профессор Л. Б. Модзалевский
7 января 1944 г. Казань.

2. «Отчет о командировке ученого секретаря Музейной и Архивной Комиссии в Новосибирск, Томск, Новосибирск, Свердловск и Казань с 28 ноября по 25 декабря 1943 года»

Я выехал из Москвы 28 ноября и приехал в Новосибирск 3 декабря 1943 года, где сразу же приступил к ознакомлению с состоянием архивных, библиотечных и музейных ценностей, принадлежащих Академии

Наук СССР и эвакуированных из Ленинграда еще в июле 1941 года. Как выяснилось на месте, кроме материалов, принадлежащих Институту литературы Академии Наук СССР, в Новосибирске никаких других ценностей, принадлежащих Академии наук СССР, не оказалось, как это было известно Комиссии до моей командировки.

При материалах Института литературы АН СССР безвыездно в Новосибирске находятся: уполномоченный по управлению и хранению архивных и музейных фондов Института литературы АН старший научный сотрудник Лев Михайлович Добровольский⁵² и его заместитель, директор Государственного Пушкинского заповедника Михаил Зиновьевич Закгейм. Оба они и сопровождали ценные материалы Института из Ленинграда в Новосибирск в июле 1941 г., когда эти материалы были эвакуированы в составе военного эшелона Артиллерийского исторического музея Красной армии в Ленинграде.

Как показало обследование упомянутых материалов и условий их хранения в Новосибирске, произведенное мною с 3 по 7 декабря с. г., (совместно с указанными представителями Института литературы), в настоящее время все вывезенные ценности этого Института в количестве двадцати семи (27) ящиков находятся в наличии в здании Дома науки и культуры (Новосибирского государственного театра оперы и балета, на площади Сталина, д. № 38), во 2 этаже, в специальном хранилище фондов филиала Государственной Третьяковской галереи, директором которого является Александр Иванович Самошкин. В этом хранилище сосредоточены, объединяемые филиалом Государственной Третьяковской галереи, музейные фонды, принадлежащие следующим московским учреждениям: 1) Филиалу Третьяковской Галереи, 2) Музею изящных искусств им. А. С. Пушкина, 3) Музею нового западного искусства, 4) Музею восточных культур, 5) Музею Московской консерватории. Кроме того, в этом же здании хранятся фонды следующих эвакуированных музеев: 1) Харьковской картинной галереи им. Т. Г. Шевченко, 2) Ленинградского артиллерийского исторического музея Красной армии, 3) Ленинградских дворцов-музеев, кроме Гатчинского, 4) Ленинградского этнографического музея, 5) Горьковского (Нижегородского) краеведческого музея, 6) Смоленского исторического музея и 7) Сумского краеведческого музея.

Основным арендатором хранилища является филиал Государственной Третьяковской галереи, а Институт литературы Академии Наук СССР выплачивает арендные суммы непосредственно Третьяковской галерее на ее текущий счет в размере 4100 рублей в год.

⁵² *Добровольский Лев Михайлович* (1900–1963) — науч. сотр. Пушкинского Дома (в 1933–1963 гг.), с окт. 1939 г. по март 1940 г. исполнял обязанности зав. РО, с июля 1941 по дек. 1944 г. был уполномоченным АН СССР по хранению архивных и музейных фондов ПД, вывезенных в Новосибирск, в ноябре 1945 г. защитил канд. дисс. «Русская запрещенная книга 1855–1905 гг.».

Хранилище представляет собою большой двухсветный зал, отапливаемый, как и все здания театра, центральным пароводяным отоплением, с электрическим освещением. Состояние теплового режима в хранилище нужно признать вполне удовлетворительным, соответствующим всем правилам хранения музейных и архивных ценностей. Хранилище обеспечивается вентиляцией и специальной установкой для регулирования сухости и влажности воздуха. Надзор за температурным и атмосферным режимом в хранилище осуществляется круглые сутки ученым реставратором Государственной Третьяковской галереи Михаилом Александровичем Александровским, который производит наблюдения при помощи специальных приборов (психрометров, барографов и др.).

Охрана ценностей полностью обеспечивается: 1) круглосуточными дежурствами внутри хранилища научного персонала перечисленных музеев и в их числе указанными представителями Института литературы АН; 2) круглосуточной военизированной охраной НКВД; 3) наружными постами милиции у входа в хранилище и постами милиции в других помещениях здания; 4) ограничением права входа в хранилище только для дежурных и ответственных хранителей фондов этих музеев, а в исключительных случаях допущением посторонних лиц на основании специальных разовых пропусков за подписью директора филиала Государственной Третьяковской галереи; 5) разрешением входа на территорию Дома науки и культуры через контрольно-пропускную будку по пропускам, выдаваемым по предъявлении соответствующих документов. Все перечисленные мероприятия полностью обеспечивают недопущение бесконтрольного проноса каких-либо предметов, входа и выхода посторонних лиц.

Вследствие изложенного я считаю, что общие условия и хранения состояния архивных, библиотечных и музейных ценностей, принадлежащих Институту литературы АН СССР, безусловно, нормальны и обеспечивают в полной мере их сохранность.

Что касается внутреннего состояния материалов, эвакуированных в 27-ми ящиках, то для более детального изучения сохранности материалов уполномоченный Института литературы Л. М. Добровольский (совместно со своим заместителем М. З. Закгеймом, в присутствии ученого реставратора филиала Государственной Третьяковской галереи М. А. Александровского) произвел контрольное вскрытие двух ящиков с архивными и музейными материалами за № 10 и № 22 (см. прилагаемые акты от 7 июня и 17 июня и 5 августа 1943 г. (не публикуются — Л. К. Хитрово)).

Вскрытие и осмотр этих ящиков показал хорошую сохранность материалов обоих ящиков. Наряду с этим обнаружена хорошая упаковка и сохранность ящика за № 10 с архивными материалами (фонды М. Ю. Лермонтова и К. Ф. Рыльева) и недостаточно продуманная упаковка ящика № 22 с музейными материалами (картины и мемориаль-

ные предметы). Этот ящик был значительно перегружен экспонатами, причем мемориальные предметы давили на полотно картин, вследствие чего наблюдалось провисание полотна картин и трение лакового слоя, что вызвало необходимость все мемориальные предметы выделить в особый ящик. При этом предметы были пересыпаны нафталином (чего не было сделано при их первоначальной упаковке), а картины (полотна), после некоторой их обработки консервационно-реставрационного характера, были переупакованы согласно правилам хранения, принятым в Государственной Третьяковской галерее. Таким образом, в настоящее время общее количество ящиков, принадлежащих Институту литературы, увеличилось на один ящик и составляет всего 28 ящиков.

Во время произведенного мною обследования состояния хранения музейных и архивных фондов Института литературы я пришел к выводу о необходимости дополнительного вскрытия новых двух ящиков Института с целью контроля их содержимого и выяснения сохранности материалов с точки зрения их влажности. Мною были вскрыты ящики за №№ 16 и 23 (в присутствии Л. М. Добровольского, М. З. Заггейма и М. А. Александровского), что и зафиксировано специальным актом от 6 декабря 1943 г. (см.: в приложении (не публикуется — Л. К. Хитрово)).

Это новое контрольное вскрытие показало, что материалы и этих двух ящиков со стороны их влажности и консервации находятся также в вполне удовлетворительном состоянии. При проверке наличия содержимого ящика № 16 с архивными материалами с вложенной в ящик описью все материалы оказались налицо. Однако при подробной проверке содержимого ящика № 25 с музейными материалами мною было установлено значительное несоответствие фактического наличия материалов с описью. С одной стороны, оказалось отсутствие некоторых портретов и рисунков, а с другой — установлено наличие в этом ящике портретов, не вошедших в опись. Этот факт может быть объяснен лишь небрежностью первоначальной упаковки этого ящика, произведенной еще в Ленинграде при эвакуации в Музее Института литературы АН СССР. Для выяснения указанного несоответствия следовало бы произвести контрольное вскрытие и остальных двух ящиков с музейными ценностями за №№ 24 и 25 из общего числа в 28 ящиков. Ящики за №№ 1–21 заполнены архивными материалами, ящики за №№ 26 и 27 заполнены библиотечными материалами и ящики за №№ 22, 23, 24, 25 и 28 заполнены музейными материалами. Но мною совместно с представителями Института вскрытие этих двух последних ящиков с музейными ценностями признано было нецелесообразным, вследствие наличия в них преимущественно материальных ценностей (мемориальных предметов из драгоценных металлов) и ввиду невозможности в Новосибирске достать необходимое количество новых пломб, а также отсутствия в настоящее время пломбиратора Ин-

ститута литературы АН СССР в распоряжении уполномоченного этого Института.

На основании полученных мною сведений после контрольного вскрытия ящиков можно констатировать, что общая сохранность всех ящиков Института литературы, находящихся в одинаковых условиях консервации, не подлежит сомнению и в отношении влажности материалы всех остальных ящиков находятся в вполне удовлетворительном состоянии.

Об общем состоянии и охране ценнейшего имущества Академии наук СССР в Новосибирске мною составлен соответствующий акт от 18 декабря 1943 г. (на обратном пути, после посещения мною Томска, когда необходимо было совершить пересадку в Новосибирске для дальнейшего следования в Свердловск; см.: в приложении (не публикуется. — *Л. К. Хитрово*)). Из Новосибирска в Томск я выехал 7 декабря, куда и приехал на следующий день. Трудности пути отразились на моем здоровье. Сразу же по приезде в Томск я заболел гриппом в сильной форме, который приковал меня к постели на целых шесть дней. Только 13 декабря я смог приступить к работе по обследованию состояния музейных, архивных и библиотечных ценностей, принадлежащих Академии наук СССР и эвакуированных в этот университетский город.

Обследование произведено было мною с 13 по 16 декабря 1943 г. В Томске я ознакомился сначала с эвакуированными ценностями, принадлежащими Государственному музею Л. Н. Толстого Академии наук СССР в г. Москве и его филиалу Музея-усадьбы «Ясная Поляна». При этих ценностях с августа 1941 г. безвыездно состоит уполномоченный Толстовского музея, кандидат филологических наук Владимир Александрович Жданов, в присутствии которого я и знакомился с состоянием материалов и с условиями их хранения. Мною установлено, что все ценности Толстовского музея и Музея-усадьбы «Ясная Поляна» сосредоточены в одной комнате (в здании с железобетонными перекрытиями Научной библиотеки Томского государственного университета, проспект Тимирязева, дом 3), предоставленной музеям Томским государственным университетом в августе 1941 г. Комната эта — в первом этаже, в два окна, выходящих во двор. Отапливается центральным паровым отоплением, как и все здание. По инициативе В. А. Жданова на двух окнах со стороны двора были установлены специальные металлические решетки, а с внутренней стороны — деревянные створчатые ставни и сплошные занавески. Единственная дверь в это помещение обита снаружи железом, в комнате установлен огнетушитель, мешок с песком, часть электропроводки введена в специальные резиновые трубки, но, как правило, помещение хранения постоянно остается не под током. Вход в самое помещение производится через соседнее помещение библиотечного абонемента, которое открыто только в рабочие часы; доступ посторонних лиц в помещение фондов Музея не

разрешается. Право входа в него имеет только хранитель фондов В. А. Жданов, который ежедневно пломбирует помещение и следит за состоянием находящихся в его ведении ценностей.

Охрана библиотечного здания осуществляется штатом пожарно-сторожевой охраны библиотеки, а ночью — дежурством ответственных сотрудников Библиотеки. Охрану библиотеки и тем самым фондов Музея нужно считать недостаточной в количественном и в качественном отношении. Хранителем фондов В. А. Ждановым принимались меры к усилению ее, но, несмотря даже на наличие специального распоряжения зам. председателя Совнаркома РСФСР тов. А. В. Гриценко (от 26 августа 1943 г. за № 8-АГ), добиться каких-либо результатов в этом отношении до сих пор В. А. Жданову не удалось. Им поставлен перед дирекцией Музея Толстого в Москве вопрос о специальной воензированной охране, для введения которой требуется, однако, специальное постановление Совнаркома. В интересах охраны В. А. Жданову удалось после длительных хлопот установить в своей квартире (ул. Герцена, д. 29) телефон только в самое последнее время.

Все перечисленные мероприятия по установлению надлежащего режима хранения и охраны ценностей нужно признать в данных условиях вполне удовлетворительными. В. А. Жданов проявил в этом отношении большую инициативу и недавно ездил на несколько дней в Новосибирск с специальной целью ознакомления с постановкой дела хранения в филиале Государственной Третьяковской галереи.

За отсутствием психрометра и термометра, которых, по словам В. А. Жданова, ни в Томске, ни в Новосибирске не было возможности приобрести, точные измерения влажности помещения и его температуры не производятся (температура эпизодически измеряется термометром Библиотеки). Тем не менее, я пришел к выводу, что в помещении поддерживается нормальная комнатная температура и влажность. С этой целью регулируются батареи центрального парового отопления, воздух в случае его резкой сухости увлажняется мокрыми тканями, паркетный пол также увлажняется.

Происходившие в период эвакуации 1941—1943 гг. контрольные вскрытия ящиков с рукописями, книгами и музейными предметами (с актами этих вскрытий я имел возможность ознакомиться) показали вполне удовлетворительное их состояние в отношении влажности и внешней сохранности.

Общее количество хранящихся в помещении Толстовского музея ящиков, вывезенных из Москвы и «Ясной Поляны», составляет сто сорок (140). Из них принадлежит Музею-усадьбе «Ясная Поляна» сто шесть (106) и Музею Толстого в Москве — тридцать четыре (34), из коих двадцать девять (29) содержат рукописи и пять (5) — музейные предметы.

Все ценности, вывезенные из Москвы, по словам В. А. Жданова, упакованы внутри ящиков в дермантин, оберегающий бумагу и карти-

ны от атмосферных влияний. Несколько хуже упакован в ящиках материал, вывезенный из «Ясной Поляны»: внутри ящиков материал ничем, кроме газет, не обернут. Согласно акту от 23 ноября 1941 г. (прилагается в копии), при перевозке пострадали лишь две картины: портрет Л. Н. Толстого в копии и вид дома Л. Н. Толстого, художника Калачева (прорывы холста). По заключению художника-реставратора В. В. Желтухина из Москвы, приезжавшего в Томск, обе картины могут быть легко реставрированы.

С целью выяснения состояния архивных и музейных ценностей, а также с профилактическими целями В. А. Жданов периодически производил контрольное вскрытие ящиков с составлением соответствующих актов, с которыми я имел возможность ознакомиться. В частности, ежегодно проветриваются и пересыпаются нафталином с пиретрумом шерстяные ткани из Яснополянского музея, хранящиеся в большом сундуке, бытовые вещи по указанию дирекции музея не проветривались. Ящик со старыми книгами из Яснополянской библиотеки после вскрытия был подвергнут специальной экспертизе ученого энтомолога Томского университета (признаков вредителей обнаружено не было). Часть Яснополянской библиотеки, уложенная в ящики, при упаковке вследствие спешки без описей была документирована уже в Томске. Два портрета работа художника Барду с изображениями отца и деда Л. Н. Толстого⁵³ (осыпавшаяся пастель) реставрированы художником-реставратором В. В. Желтухиным с соблюдением необходимых требований и с контрольной фотодокументацией. В настоящее время с момента доставки в Томск все картины из Яснополянского дома-усадьбы хранятся в открытом виде и все время до июля 1943 г. находились под наблюдением В. В. Желтухина, уехавшего затем в Москву. Я имел возможность осмотреть часть этих картин и убедился в их внешней сохранности. В. А. Жданов поставил уже вопрос об обратной укладке этих картин в ящики с соблюдением всех необходимых условий хранения: с этой целью он договорился с дирекцией филиала Третьяковской галереи в Новосибирске о приглашении в Томск их специалистов-упаковщиков и ждет от дирекции Толстовского музея соответствующих упаковочных материалов (дермантин, бумага и проч.). Всего открыто с картинами 4 ящика за №№ 5, 6, 7 и 12.

Из ящиков с картинами, принадлежащими Московскому музею, вскрывались Комиссией 7 декабря 1942 года два ящика (из пяти), причем была установлена хорошая их сохранность, и ящики были вновь закрыты.

Что же касается ящиков с рукописями Л. Н. Толстого, то в настоящее время в открытом виде находятся два (2) ящика за №№ 4 и 27. Над материалами этих ящиков производится текущая архивная работа.

⁵³ Имеются в виду портреты Н. И. и И. А. Толстых, отца и деда по материнской линии Л. Н. Толстого, художника К.-В. Барду.

С целью проверки состояния и сохранности материалов я произвел 16 декабря 1943 г. (совместно с В. А. Ждановым) контрольное вскрытие ящика № 5 с рукописями Л. Н. Толстого, о чем составлен отдельный акт (см.: приложение (не публикуется — *Л. К. Хитрово*)). Состояние материалов найдено вполне удовлетворительным: рукописи не имеют видимых изменений и хорошо упакованы.

В результате произведенного мною изучения состояния ценностей Музея Л. Н. Толстого и Музея-усадьбы «Ясная Поляна» я могу констатировать, что как общие условия хранения, так и внутренняя сохранность материалов в ящиках и вне их не вызывает сомнения и в отношении влажности материалы находятся в вполне удовлетворительном состоянии. Об этом мною и В. А. Ждановым составлен отдельный акт, приложенный к настоящему отчету.

Одновременно с 13 до 16 декабря 1943 г. я (в присутствии ответственного уполномоченного Президиума Академии наук СССР директора Архива А. М. Горького Елены Федоровны Розмирович)⁵⁴ производил обследование эвакуированных в Томск ценностей: Архива А. М. Горького, Института мировой литературы им. М. Горького и музеев А. М. Горького и А. С. Пушкина, принадлежащих Академии наук СССР. Е. Ф. Розмирович, являвшаяся уполномоченным Президиума АН СССР по хранению ценностей Музея Л. Н. Толстого, (до выделения этого музея в самостоятельное учреждение Академии наук СССР из состава Института мировой литературы им. А. М. Горького), хотя она продолжает и в настоящее время нести общее наблюдение за всеми эвакуированными в Томск архивными, музейными и библиотечными ценностями Академии наук СССР; находится при этих ценностях с момента их эвакуации из Москвы осенью 1941 года.

Обследованию подвергались материалы следующих секторов и музеев Института мировой литературы им. А. М. Горького: 1. сектора рукописей, 2. сектора художественной иллюстрации, 3. Музея А. М. Горького, 4. Архива А. М. Горького и 6. Музея А. С. Пушкина.

Мною установлено, что ценности названных учреждений сосредоточены в одной комнате того же здания Научной библиотеки Томского государственного университета, рядом с комнатой, занятой имуществом Музея Л. Н. Толстого. Комнату эту Институт мировой литературы им. А. М. Горького получил от Томского государственного университета в августе 1941 года. Она находится в первом этаже, в два окна, выходящих во двор, отапливается центральным паровым отоплением. По инициативе Е. Ф. Розмирович, на двух окнах со стороны двора были поставлены специальные металлические решетки и с внутренней стороны — деревянные створчатые ставни и сплошные занавески. Един-

⁵⁴ *Розмирович* (урожд. *Майш*, 1886—1953) *Елена Федоровна (Фердинандовна)* — директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в 1935—1939 гг.), зав. Архивом М. Горького (в 1937—1953 гг.).

ственная входная дверь в это помещение обита снаружи железом, в комнате установлен огнетушитель, мешок с песком, часть электропроводки введена в специальные резиновые трубки, но, как правило, помещение хранения постоянно остается не под током. Вход в само помещение производится через соседнее помещение библиотечного абонеента, которое открыто только в рабочие часы; доступ посторонних лиц в помещение фондов института не разрешается. Право входа в него имеет только ответственный уполномоченный Е. Ф. Розмирович, которая ежедневно пломбирует помещение и следит за состоянием находящихся в ее ведении всех ценностей. Об охране здания библиотеки уже было говорено выше. Но в связи с ее недостаточностью Е. Ф. Розмирович неоднократно обращалась в дирекцию Института мировой литературы и добилась обещания Наркомпроса РСФСР об увеличении штата охраны и увеличении окладов с будущего 1944 года, а в текущем году с этой же целью институт выделил специальную штатную единицу с увеличенным окладом.

Все перечисленные мероприятия по установлению надлежащего режима хранения и охраны ценностей института нужно признать в данных условиях вполне удовлетворительными. Измерения температуры помещения производятся эпизодически термометром библиотеки. Тем не менее, можно констатировать также, что в помещении поддерживается нормальная комнатная температура и влажность. Последняя регулируется мокрыми тканями в тех случаях, когда происходит резкая сухость воздуха от центрального отопления.

Происходившие в период эвакуации 1941—1943 гг. контрольные вскрытия ящиков с рукописями, книгами и музейными предметами, что зафиксировано выделенными мною актами, показывали вполне удовлетворительное их состояние в отношении влажности и внешней сохранности.

Общее количество хранящихся в помещении института ящиков, вывезенных из Москвы, составляет сто тридцать два (132). Из них пять (5) ящиков принадлежат сектору художественной иллюстрации, пятнадцать (15) ящиков — сектору рукописей, восемнадцать (18) ящиков — Музею А. М. Горького, тридцать четыре (34) ящика — музею А. С. Пушкина и шестьдесят (60) ящиков — Архиву А. М. Горького. В течение 1941—1943 гг. Е. Ф. Розмирович систематически производила контрольное вскрытие ящиков по всем музеям и секторам, о чем составлялись соответствующие акты. Контрольные вскрытия показали, во-первых, хорошую укладку материалов и упаковку самих ящиков и, во-вторых, хорошую сохранность материалов в отношении влажности. Для осмотра ящиков с картинами при вскрытии их присутствовал приглашаемый художник-реставратор из Москвы В. В. Желтухин. Неблагополучное состояние рукописей было обнаружено лишь однажды 15 апреля 1942 г. при вскрытии трех ящиков (№№ 5, 6 и 7) с древними рукописями сектора рукописей. На них была найдена плесень, возник-

шая, как было установлено, еще при упаковке этих ящиков в 1941 г. в Москве, так как эти рукописи находились перед упаковкой в здании, предназначенном к сносу, ввиду реконструкции Красной площади, и были долгое время в помещении, уже наполовину снесенном. Для ликвидации плесени были приняты соответствующие меры с участием специалиста-энтомолога доцента Р. П. Бережкова, который установил безопасность возникшей плесени, затем удаленной с рукописей. При повторном вскрытии этих ящиков через известный промежуток времени весь материал оказался в нормальном состоянии. В настоящее время в открытом состоянии хранятся материалы двух ящиков из архива А. М. Горького в связи с производящейся текущей архивной и научной работой по подготовке к печати «Переписки Горького с Роменом Ролланом»⁵⁵ и двух других ящиков с материалами Музея А. М. Горького, также в связи с текущей работой по подготовке к печати книги «Горький и Репин». При ознакомлении с этими материалами мною констатировано их нормальное состояние в отношении внешней сохранности влажности и способов их хранения в специальных коробках и обложках. Специальное новое контрольное вскрытие ящиков из общего числа в 132 ящика, принадлежащих Институту мировой литературы им А. М. Горького, мною было признано нецелесообразным ввиду одинаковых условий хранения их с материалами Музея Л. Н. Толстого и вследствие достаточности данных о состоянии рукописей, полученных предыдущими контрольными вскрытиями.

В связи с неопределенным положением с топливом для отапливания помещения Библиотеки Томского университета, в котором хранятся ценности Академии наук СССР, я совместно с Е. Ф. Розмирович 16 декабря был у ректора Томского университета. У него мы обсудили этот вопрос, причем выяснилось, что университет не имеет централизованного снабжения топливом и зависит исключительно от местного Городского совета, который недостаточно и не регулярно снабжает и университет, и библиотеку, находящуюся в соседнем здании, необходимым количеством топлива. Было решено, что университет обратится в Наркомпрос с соответствующим ходатайством, а копию своего ходатайства направит в Президиум Академии наук СССР с просьбой о поддержке его перед Наркомпросом.

О результатах произведенного мною изучения состояния ценностей, принадлежащих Архиву А. М. Горького, Институту мировой литературы им А. М. Горького с его музеями А. М. Горького и А. С. Пушкина и находящихся в ведении и наблюдении Е. Ф. Розмирович, я совместно с нею составил отдельный акт, прилагаемый к настоящему отчету (не публикуется. — Л. К. Хитрово).

16 декабря я выехал из Томска в Новосибирск, куда и приехал на следующий день. В Новосибирске необходимо было хлопотать о полу-

⁵⁵ Замыслы изданий «Переписка Горького с Р. Ролланом», «Горький и Репин» в то время только начинали разрабатываться.

чении места в поезде, идущем на Москву, и вследствие этого я смог выехать лишь 16 декабря, пробыв в Новосибирске два дня (17 и 18 декабря). Билет я получил по броне Новосибирского облисполкома при содействии уполномоченного по делам науки и искусства тов. Малкина, с которым я имел возможность переговорить о ценностях Академии, хранящихся в Новосибирске, и которого просил от имени Президиума АН СССР оказывать уполномоченному Института литературы АН СССР Л. М. Добровольскому свое содействие во всех случаях, когда помощь и содействие Новосибирского облисполкома могут быть необходимы.

Выехав 18 декабря из Новосибирска, я приехал в Свердловск 21 декабря утром и в тот же день посетил директора филиала Государственного Эрмитажа профессора Владимира Францевича Левинсон-Лессинга, в ведении которого находятся ящики с архивным, музейным и библиотечным имуществом АН СССР. Совместно с В. Ф. Левинсон-Лессингом я провел проверку состояния, методов хранения и охраны сданных на хранение в Ленинграде Государственному Эрмитажу этого имущества, эвакуированного затем осенью 1941 года в Свердловск в составе II эшелона Государственного Эрмитажа. Этим обстоятельством объясняется отсутствие при материалах АН СССР представителя или уполномоченного Академии.

Произведенным обследованием установлено, что большая часть вывезенных материалов, принадлежащих Академии Наук СССР, хранится в особом здании с железобетонными перекрытиями, отведенном музею Государственного Эрмитажа в городе Свердловске по улице Вайнера, д. 11, во втором этаже; здание отапливается центральным пароводяным отоплением, а материалы эти находятся в двух больших залах упакованными в ящиках, совместно с ценностями, принадлежащими Государственному Эрмитажу, который производит ежедневные измерения как температуры помещений, в которых хранятся ценности, так и измерения влажности при помощи психрометра и термометра. Наблюдения, произведенные за 1941—1943 гг. в отношении режима хранения, зафиксированные соответствующими таблицами, показывают вполне нормальные условия теплового режима этих помещений на протяжении всего периода эвакуации материалов. Внешняя и внутренняя охрана как самого здания, так и внутренних помещений обеспечивается с одной стороны специальными постами милиции, а с другой — круглосуточной пожарной охраной и круглосуточным дежурством научных сотрудников филиала Государственного Эрмитажа. Допуск в помещения хранения посторонних лиц производится по специальным пропускам, выдаваемым дирекцией филиала Государственного Эрмитажа. Таким образом, благодаря указанным мероприятиям исключена всякая возможность выноса из помещений хранения, охраняемых филиалом Государственного Эрмитажа, ценностей.

Что касается непосредственно материалов, принадлежащих Академии Наук СССР, то, согласно описи, составленной при отправке ящиков с имуществом Академии наук СССР из Ленинграда в 1941 году, филиал Государственного Эрмитажа хранит в настоящее время в указанном здании в полном соответствии с данными этих актов следующие ящики с ценностями, принадлежащими следующим учреждениям Академии Наук СССР: 1. тридцать (30) ящиков с архивными материалами Архива Академии наук СССР за №№ 1–30 (шифр ААН); 2. сорок два (42) ящика с библиотечными материалами Института литературы Академии наук СССР (библиотека Пушкина) №№ 1–42 (шифр ИЛИ ПБ); 3. двенадцать (12) ящиков, принадлежащих Институту литературы Академии наук с материалами Фонограммархива за №№ 1–12 (шифр ИЛИ АН) и 4. семь (7) ящиков с музейным имуществом Музея истории религии Академии наук СССР за №№ 1, 2, 3, 4, 15, 16, 21 (шифр МИР). Все указанные ящики общим числом девяносто один (91) находятся в полной внешней сохранности. Причем следует отметить, что в то время, как ящики Архива Академии наук СССР являются однотипными, ящики других перечисленных учреждений не имеют одинакового внешнего вида, различны по величине, а материалы, принадлежащие Музею истории религии, уложены частью в ящики разного объема, а частью даже в металлические сундуки с настоящими замками. Следует отметить, что один (1) из ящиков за № 14.16, принадлежащий этому музею, и также один (1) из ящиков, принадлежащий Архиву Академии наук СССР, находятся в другом помещении и другом здании филиала Государственного Эрмитажа по Первомайской ул., д. 24. Но они хранятся в тех же условиях, что и все остальные ящики в хранилищах по ул. Вайнера, д. 11.

Можно констатировать, что за все время эвакуации ни один из ящиков Академии наук не контролировался в отношении внутренней проверки состояния упакованных в них материалов. Но, так как тепловой режим за все это время был одинаковым с режимом ящиков с имуществом Эрмитажа, то и состояние материалов, находящихся в ящиках Академии наук, не могло подвергнуться каким-либо изменениям в отношении увеличения влажности; ввиду вполне благоприятного в этом отношении состояния имущества, принадлежащего Государственному Эрмитажу, ящики которого неоднократно подвергались контрольным вскрытиям, что видно из имеющихся в распоряжении филиала Государственного Эрмитажа актов этих вскрытий.

Тем не менее, было признано целесообразным произвести контрольное вскрытие одного из ящиков, принадлежавших Академии наук СССР. С этой целью мною было произведено контрольное вскрытие ящика № 4 Института литературы Академии наук СССР, содержащего часть личной библиотеки Пушкина (см.: прилагаемый акт). Вскрытие это показало вполне удовлетворительное состояние контролируемых материалов, по которому можно судить о таковом же, удовлетвори-

тельном состоянии и материалов всех остальных ящиков Академии наук СССР, хранящихся в одинаковых условиях. Вскрытие ящика проводилось реставратором Эрмитажа Ф. А. Каликиным, который затем вновь закрыл ящик, на который была наложена пломба Филиала Государственного Эрмитажа.

О результатах произведенного мною обследования состояния ценностей Академии наук в Свердловске, находящихся в ведении филиала Государственного Эрмитажа я, совместно с проф. В. Ф. Левинсон-Лессингом, а также с зам. директора Эрмитажа проф. М. Э. Матье, составил отдельный акт, прилагаемый к этому отчету (не публикуется. — *Л. К. Хитрово*).

Выехав 22 декабря из Свердловска, я 25 декабря прибыл в Казань, где имел постоянное место жительства (впредь до эвакуации в Ленинград).

Так как я являюсь заведующим Рукописным отделом (Архивом) Института литературы Академии наук СССР в Казани, то считаю необходимым дополнить свой отчет сведениями о состоянии архивных материалов, принадлежащих названному Институту и временно находящихся в Казани, в одном из помещений Центрального музея краеведения Татарской АССР.⁵⁶

В июле 1942 года 107 ящиков с ценнейшими архивными материалами Рукописного отдела были эвакуированы из Ленинграда в Казань в исключительно тяжелых условиях эвакуации и в течение последующего времени находились до июля 1943 года в состоянии консервации, сперва на складе Техснаба Академии наук СССР, а затем в неотапливаемом помещении Центрального музея краеведения Татарской АССР, по улице Чернышевского, дом 2.

Только с 1 июля 1943 года Рукописный отдел на базе этих 107 ящиков развернул предварительную работу по проверке состояния этих архивных материалов путем контрольного постепенного вскрытия указанных ящиков. Под моим руководством (назначен заведующим Рукописным отделом с 1 июля 1943 года) приглашенный младший сотрудник С. И. Рогозина при одном техническом сотруднике и с помощью 4-х аспирантов, работавших поочередно в помещении отдела, произвели контрольное вскрытие всех названных ящиков. Причем на каждый ящик составлялся подробный акт вскрытия и описания внешней сохранности самих материалов, с одновременной проверкой содержания каждого ящика, согласно имеющимся в распоряжении отдела описям, составленным еще при укладке ящиков в Ленинграде. Тем самым производилась и приемка всех материалов.

По этому вопросу следует сказать, что укладка и составление описей на каждый ящик еще в Ленинграде в условиях спешной подготовки

⁵⁶ Далее текст этого документа частично повторяет текст первого публикуемого документа о работе Рукописного отдела ИЛИ.

ящиков к эвакуации производилась недостаточно аккуратно и тщательно. Поэтому при проверке содержимого оказалось, что в некоторых ящиках наличие материалов не всегда соответствовало содержанию описи: иногда материала в наличии оказывалось больше, иногда — меньше. Все расхождения в каждом отдельном случае точно фиксировались в актах приемки и проверки. Некоторые описи ящиков составлялись в Ленинграде настолько кратко, что сейчас уже нет возможности точно фиксировать отсутствие или дополнительное наличие материалов в каждом отдельном ящике. Во всяком случае, за исключением двух ящиков (№ 6 и № 61), обнаруженных впоследствии в Московском отделении Архива Академии наук СССР в Москве (куда они случайно были доставлены при содействии заведующего московским отделением Архива Ф. Д. Гетмана; после того, как они были потеряны в дороге за время перевозки их из Ленинграда в Казань, о чем я производил специальное расследование, изложенное в моей докладной записке на имя зам. председателя Музейной и Архивной комиссии акад. Н. С. Державина от 31 июля 1943 г.); и двух ящиков, разбитых в дороге во время перевозки (причем все их содержимое оказалось в наличии), — все остальные ящики до их вскрытия в помещении отдела находились налицо во внешней сохранности, и никаких утрат самого материала после произведенной проверки не обнаруживается. Мелкие расхождения в отдельных единицах хранения по сравнению с описаниями могут быть объяснимы лишь указанной неточностью во время упаковки материалов в ящики еще в Ленинграде. В начале нового 1944 года вся работа по деконсервации ящиков с архивными материалами, в общем количестве 105 ящиков полностью закончена.

Что касается состояния извлеченных из ящиков архивных материалов, то здесь необходимо констатировать, что, наряду с большинством абсолютно не пострадавших материалов, некоторые из них частично все же отсырели, пропитались влагой, а некоторые рукописи в переплетах покрылись снаружи налетом плесени. Коллективу работавших в отделе сотрудников и аспирантов пришлось проделать большую и кропотливую, а главное — длительную работу по ликвидации всех последствий этих процессов: были произведены просушка влажных рукописей, снятие плесени с переплетов и т. п. мероприятия, которые проводились под непосредственно моим наблюдением и руководством. В результате этой работы пострадавшие рукописи были приведены в нормальное в отношении влажности состояние. И никаких следов порчи бумаги и, особенно, текста на них не осталось, за исключением рукописей части архива Аксаковых, находившихся в особо подмокшем ящике за № 49; а также рукописей части архива Д. П. Ознобишина (из ящика № 53) и некоторых других. Многие рукописи, бывшие в этих ящиках после просушки, носят на себе некоторые следы порчи бумаги и отчасти текстов и впоследствии при нормальных условиях хранения

потребуют специальной реставрации в специальной реставрационной мастерской, которой в Казани в настоящее время не имеется.

Условия, при которых приходилось производить указанную сложную и ответственную работу, нужно считать безусловно ненормальными, в особенности при начале работы. Достаточно отметить, что само помещение в течение трех первых месяцев (июль — сентябрь) являлось во многих отношениях непригодным для правильной постановки работы (потолок со следами протечек, влажность воздуха и т. п.). Постоянное ежедневное проветривание помещений на протяжении летних месяцев отчасти ликвидировало недостатки помещения, но не разрешало вопроса о дальнейшем хранении материалов в осенних и зимних условиях.

Сказывалось также и полное отсутствие элементарного оборудования (стеллажей, шкафов, коробок, столов, стульев и т. п.), не было и самых необходимых хозяйственных принадлежностей и предметов, специфически важных для хранения подобных ценностей (например, пломбиратора и др.). Всё это, безусловно, отражалось на темпах работы Рукописного отдела в целом. Нужно сказать, что руководство Центрального музея в лице его директора В. М. Дьяконова всячески шло навстречу нуждам отдела. Постепенно музей предоставил в распоряжение отдела некоторое оборудование (несколько шкафов, столов, стульев и др.), ежедневно пломбировал своими пломбами помещения Рукописного отдела и оказывал внимание к его неотложным потребностям.

Наконец, вполне сознавая ценность хранящихся в Рукописном отделе материалов, дирекция Музея пошла отдела навстречу в самом главном вопросе — предоставила Рукописному отделу одно из лучших своих помещений, сухое, теплое и закрывающееся специальными металлическими жалюзи, во втором этаже, но с печным отоплением. В первых числах октября 1943 года все имущество Рукописного отдела в течение двух дней было переведено в новое помещение. Причем эта сложная и большая работа была осуществлена настолько планомерно и организовано, что уже после переброски материалов и оборудования в новое помещение Рукописный отдел на следующий же день смог продолжить свою текущую работу без всякого ущерба и даже более интенсивно, чем раньше, вследствие получения дополнительного оборудования от музея, которое обеспечивает теперь хранение вынутых из ящиков материалов.

В настоящее время в помещении Рукописного отдела поддерживается нормальная ровная температура при помощи одной из двух печей. Измерение влажности не производится из-за отсутствия психрометра, которого не удалось до сих пор достать, несмотря на многие попытки в этом направлении. Во всяком случае, можно утверждать, что влажность воздуха в помещении вполне нормальная, а самый материал, хранящийся сейчас частью на временных стеллажах и частью

в шкафах, при ежедневном осмотре его не имеет никаких видимых изменений.

Помещение Рукописного отдела примыкает непосредственно к художественной картинной галерее Центрального музея краеведения с произведениями крупных мастеров и охраняется круглосуточными дежурствами сотрудников музея, действующими на основании специальных инструкций музея. В самом помещении отдела в рабочие часы происходит ежедневная текущая работа сотрудников Рукописного отдела, и вход в него посторонним лицам воспрещен. Помещение обеспечено двумя огнетушителями. Электрическое освещение, несмотря на имеющуюся электропроводку, бездействует, так как ток от общей электросети Музея отключен. Наружные двери, выходящие в картинную галерею, ежедневно пломбируются пломбами Рукописного отдела при помощи специально заказанного после длительных хлопот пломбиратора с шифром Института литературы. Опасность каких-либо протечек воды абсолютно исключена, так как помещение хранения находится во втором этаже четырехэтажного каменного старинного здания на сводах.

По моему докладу дирекция Института литературы 3 января 1944 г. приняла итоги деконсервации всех архивных материалов института, находящихся в Казани, вполне удовлетворительными.

В заключение я считаю совершенно необходимым обратить внимание Комиссии на непрерывную, добросовестную и плодотворную деятельность хранителей архивных, музейных и библиотечных ценностей Академии наук как в Новосибирске, так и в Томске — Л. М. Добровольского, Е. Ф. Розмирович и В. А. Жданова, которые в течение более двух лет выполняют свое ответственное дело в полном отрыве от привычной для них обстановки для научной работы и в трудных личных бытовых условиях. Последнее обстоятельство особенно отразилось на состоянии здоровья ст. научного сотрудника Л. М. Добровольского, перенесшего тяжелую форму плеврита и нуждающегося в лечении.

Ученый секретарь Музейной и Архивной Комиссии при Президиуме АН СССР профессор Л. Б. Модзалевский.

5 января 1944 год. Казань.

«Акт контрольного вскрытия ящика с книгами из личной библиотеки А. С. Пушкина»

22 декабря 1943 г., г. Свердловск. Мы, нижеподписавшиеся, ученый секретарь Музейной и Архивной Комиссии при Президиуме Академии наук СССР профессор Л. Б. Модзалевский, действующий на основании постановления Президиума Академии наук СССР от 15 июня 1943 года, — с одной стороны, и директор филиала Государственного Эрмитажа профессор В. Ф. Левинсон-Лессинг, зам. директора Эрмитажа профессор М. Э. Матье и реставратор Эрмитажа Ф. А. Каликин —

с другой стороны, составили настоящий акт в том, что произвели контрольное вскрытие принадлежащего Институту литературы Академии наук СССР и эвакуированного из Ленинграда одного ящика за № 4, содержащего часть книг из личной библиотеки Пушкина. При этом постановлено, что ящик этот оказался в полной внешней сохранности, был запечатан пломбой хозяйственной части Института литературы Академии наук СССР, которая при вскрытии ящика была снята. Содержание ящика было проверено по вложенной в ящик описи, и все книги, значащиеся по этой описи, оказались в наличии. Причем указанные в описи под № 4 сочинения Шатобриана в количестве 17 томов на самом деле обнаружены в большем количестве, а именно — в количестве 19 томов. Это расхождение произошло вследствие того, что пятый том сочинений Шатобриана состоит не из одной, а из трех библиотечных единиц (т. V, т. V bis, т. V ter), что и было пропущено при укладке книг в ящик еще в Ленинграде. Все книги оказались упакованными в газеты и находятся в нормальном в отношении влажности состоянии, и никаких видимых изменений в отношении их сохранности обнаружено не было. После проверки состояния находящихся в ящике материалов он вновь был заколочен и запечатан пломбой филиала Государственного Эрмитажа.

Настоящий акт составлен в трех экземплярах: два для Академии наук и один для филиала Государственного Эрмитажа.

Ученый секретарь Музейной и Архивной Комиссии
при Президиуме АН СССР профессор Л. Б. Модзалевский
Директор филиала Государственного Эрмитажа
профессор В. Ф. Левинсон-Лессинг.
Зам. директора филиала Государственного Эрмитажа
профессор М. Э. Матье

Старший реставратор Государственного Эрмитажа Ф. А. Каликин.

По окончании Великой Отечественной войны к ноябрю 1945 г. все академические ценности были возвращены из Сибири и Казани в Ленинград и Москву. Под наблюдением Л. Б. Модзалевского как члена Архивной и Музейной комиссии и заведующего Рукописным отделом Пушкинского Дома проходила реэвакуация материалов из Казани. 26 февраля 1945 г. он доставил в Ленинград рукописи русских писателей XVIII—XIX вв.

15 ноября 1945 г. Распорядительное заседание Президиума АН СССР приняло решение о «нецелесообразности дальнейшего существования Музейно-архивной комиссии АН СССР».⁵⁷

⁵⁷ См. копию выписки из протокола № 20 заседания Президиума АН: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 91, л. 95.